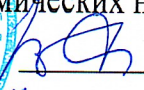

«УТВЕРЖДАЮ»

Первый проректор ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»,

доктор экономических наук, профессор

 В.В. Радаев

«7» марта 2025 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

о диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Борунова Артема Борисовича

СВЕРХТЕКСТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ:

ПРИНЦИПЫ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Диссертационное исследование Артема Борисовича Борунова «Сверхтексты в современной русской прозе: Принципы структурно-семантической организации» посвящена творчеству одного из самых востребованных вот уже на протяжении последнего полувека автора. Поэтому **цель** работы — «выявить закономерности образования феномена сверхтекста в новейшей русской литературе в контексте мировой классики, выявить его генезис, структурно-типологические особенности и принципы жанрово-семантической организации», учитывая, что диссертация защищается по истории литературы, а не по теории (хотя безусловно имеет и теоретическое значение) требует уточнения. Эти закономерности выявляются именно на материале «фандоринского корпуса» произведений Бориса Акунина¹, ибо диссертация действительно посвящена обстоятельному анализу циклообразующих связей и элементов, видимо, самого масштабного из сверхтекстов в отечественной литературе. Объем переработанного А.Б. Боруновым материала (как и обстоятельность автора) не может не впечатлять: «общий объем анализируемых текстов составляют тридцать пять романов, четыре пьесы, восемь повестей и восемь рас-

¹ Этот автор 18.12.2023 внесен Федеральной службой по финансовому мониторингу в Перечень экстремистов и террористов (№ 13056); 12.01.2024 внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ и физических лиц, выполняющих функции иностранного агента (№ 743).

сказов» (с. 15). Значение этого сверткста для отечественной культуры трудно переоценить, о чем говорят множественные инсценировки и экранизации ряда входящих в него произведений, сотни критических и исследовательских работ, опыты творческой рецепции художественных открытий писателя, чем определяется **актуальность** проделанной диссертантом работы.

По настоящему продуктивной, определяющей собой **новизну** диссертационного исследования А.Б. Борунова, оказывается идея комплексного рассмотрения сверткста исследуемого автора на пересечении трех принципов – синтагматического, парадигматического и ассоциативного: подробное описание реализации этих принципов дает убедительное основание утверждать об изначально сознательной его стратегии по выстраиванию масштабного литературного сверткста, изоморфного таким медиа-целостностям, как трансмедийные повествования – как те, в основе которых лежит вербальный фикциональный нарратив (например, цикл романов Дж. Роулинг), так и эпические медиаоперы вроде «Звездных войн» и вселенной Marvel Comics. Важно замечание о «миромоделирующей» основе сверткста как особого литературного жанра (с. 54), компенсирующей сюжетную дискретность составляющих его произведений. Наверное, самые интересные страниц диссертации – там, где диссертант обстоятельно реконструирует связи не только между отдельными произведениями внутри писательских циклов, но и межцикловые связи, на которых и держится «фандоринский корпус» как сверткст, а также обобщает уже ставшие предметом научного рассмотрения типологические черты героя-детектива как «сверхчеловеческого» персонажа в образе центрального героя сверткста Эраста Фандорина (гл. 3 диссертации).

Нельзя не согласиться с обоснованным в диссертации предпочтением понятия «сверткст» перед «гиперткстом» (с. 12-13), оправданным выглядит исторический экскурс в область мифо-фольклорных текстов, стоящих у истоков западной литературы, ожидаемым и необходимым – обращение к масштабной «Человеческой комедии» Оноре де Бальзака – по-видимому, одному из ключевых истоков «фандоринского корпуса», как и ««Ругон-Маккары» Эмиля Золя. К сожалению, меньше внимания уделено подобным «сверткстам» в прозе, а не в поэзии XX века: согласно диссертанту, «тенденция к объединению прозаических текстов в более крупные единства еще более широко представлена в литературе XX в.» (с. 30), однако в обзорном блоке основное внимание уделено поэтической циклизации (прежде всего «роману в стихах» А. Блока), в нем отсутствует даже упоминание, скажем, тетралогии «Навыи чары» Ф. Сологуба (отдельные персонажи которой обнаруживаются в других произведениях автора), романа-странствия А.

Битова «Оглашенные» и мн.др. произведений XX века – диссертант сразу переходит к творчеству современной писательницы Дины Рубиной.

В целом при всей масштабности и обстоятельности проделанной диссертантом работы, ее результаты не свободны от некоторых недостатков либо же того, что вызывает вопросы и требует уточнения. Так, думается, в работе недостаточно развит анализ парадигматического принципа в организации сверхтекста исследуемого прозаика, тем более что А.Б. Борунов выдвигает весьма интригующую гипотезу о том, как «автор “фандоринского корпуса” ставит себе задачу своеобразного научно-практического исследования жанров детектива с примерами на каждый тип» (с. 106-107): этот исследовательский аспект писательского проекта требует более подробного и фундированного раскрытия в диссертации. Диссертант совершенно справедливо указывает на релевантность парадигматического подхода именно для неклассической литературы, упоминая лирику Валерия Брюсова² (с. 112). Однако творчество современного автора развивается в несколько ином историко-культурном контексте и скорее принадлежит эпохе постмодерна, а не высокого модерна или его советского извода. В качестве одной из своих задач А.Б. Борунов определяет «исследовать инварианты и варианты реализации сверхтекста в современной массовой культуре, рассмотреть прозу фэнтези, магического реализма, а также жанр детектива как продуктивные платформы для реализации жанровой изотопии» (с. 16), однако само понятие «массовая культура» в контексте постмодернизма с его поликодовостью и полиадресностью (и знаменитым лозунгом Лесли Фидлера «засыпать рвы, пересекать границы») не может служить единственной контекстуальной рамкой для рассмотрения прозы исследуемого автора. Прежде всего – потому что перечисленные в работе жанры вполне присутствуют в поле чтения современного компетентного читателя, составляющего ныне вовсе не элитарную группу, но основу читателя массового. Другой вопрос – что эти жанры, изначально возникнув в поле массовой культуры или попав туда в силу их тривиализации, сегодня составляют базу «миддл-литературы» (С. Чупринин), являясь тем, что называют «беллетристкой», а вовсе не «чтивом», насыщаясь чертами философско-психологических, художественно-исторических, даже пародических и метароманных нарративов. Не случайно диссертант определяет автора «фандоринского комплекса» именно как «беллетриста» (с.10): это определение не про-

² Хотя, думается, следовало бы сослаться прежде всего на брюсовские «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфикс и формам. 1912–1918» (Москва, 1918) — попытку дать исчерпывающую парадигму различных жанровых форм мировой поэзии на русском языке.

сто синоним «прозаику» и требует более глубокой рефлексии. По той же причине вызывает возражение и один из выводов к диссертации: «Характерной чертой текстов писателя является их обращенность к принципам постмодернизма, что фактически поднимает детектив до уровня элитарной литературы» (с. 338) – вряд ли сама принадлежность к постмодернистской парадигме художественности является знаком ее «элитарности» – скорее свидетельствует о ее адресованности современному компетентному читателю.

Тем же, как нам видится, является и попытка писателя развернуть в рамках сверхтекста стремящуюся к полноте парадигму различных жанров и их разновидностей (к примеру, детективного романа). Она сближает его опыты с экспериментами уже поздних авангардистов – неоавангардистов, таких, например, как представитель ленинградской «филологической школы» Александр Кондратов с его нереализованным в рамках собрания сочинений прозаическим восьмитомником, разворачивающего жанровую парадигму от конвенциональных детективов (например «психиатрического детектива» «И т.д.») через автофикциональные формы к самым радикальным неоавангардным экспериментам в области прозы³. Поэтому гипотеза диссертации – «что сверхтекст представляет собой одно из генерализующих начал современной прозы; с одной стороны, он встроен в семиосферу массовой культуры, с другой, — генетически связан с многовековым жанровым и метажанровым опытом мировой литературы» (с. 17) – также требует уточнения: очевидно, что связь тут далеко не только генетическая, но и актуальная.

Вообще диссертации недостает более глубокой концептуализации понятия «современная массовая культура», которым он оперирует (напр., с. 65). Некоторые же утверждения в работе (к счастью, крайне немногие) и вовсе носят скорее публицистический, нежели научный характер, например следующий пассаж: «Отсюда чрезвычайно широкое распространение разнообразных зрелищных практик (“видеоарт”, “поп-арт”), которые имеют к искусству весьма отдаленное отношение, но тем не менее к нему причисляются. “Популярное искусство” и “актуальное искусство”, зачастую ориентирующиеся на эстетику жестокости, аморализма, сексуальности, кича и прочего, приобретают повсеместное распространение» (с. 68-69) – думается, такого рода обобщения, смешивающие разнокатегориальные понятия (например, «видео-арт» и «поп-арт») лучше

---

³ Так, интереснейшее замечание диссертанта, что исследуемый им автор «...создает своеобразную “таблицу Менделеева” с разнообразными жанрами в качестве элементов, причем в этой таблице ряд элементов не заполнен, и на сегодняшний день не известно, будут ли эти “ячейки” заполнены представленными автором образцами жанров» (с. 107) отсылает к «матричной» (см. также на с. 111) модели проектов неоавангардистов, нередко апеллировавших как к их прототипу именно к таблице Менделеева, о чем нам в свое время доводилось писать.

было при редактировании убрать из работы как не относящиеся к ее сути.

Можно обратить внимание и на то, что, обращаясь к введенному К.Ф. Седовым понятию «гипержанра» (с. 61) как одного из типологических «соседей» сверттекста, диссертант не приводит достаточного количества примеров такого рода «гипержанров» – например, сразу вспоминающихся «сверхповестей» В. Хлебникова. Представляется продуктивным для характеристики в работе использования прозаиком экзонимов и экзотизмов, прежде всего японских, оперировать понятием «остранение», позволяющим более точно определять их функцию в произведениях писателя (см. стр. 140 и др.). Хотелось бы и терминологического уточнения относительно «литературных масок» Анатолия Брусникина⁴ и Анны Борисовой (с. 215) – имеем ли мы дело с «мистификационными псевдонимами» (с. 264) или же все-таки гетеронимами реального автора?

Не слишком мотивированным представляется введение в работу анализа романов М. Елизарова «Библиотекарь» и «Pasternak» – возможно, они являются «классическим читательским циклом» (с. 80), но внимание им уделено непропорционально их релевантности для данного исследования – скорее стоило бы рассмотреть примеры авторских циклов В.Пелевина, например «вампирский». Без пояснения остается тезис диссертанта о романе «Не прощаюсь»: «сам по себе роман не удался» (с. 204) – впрочем, это почти исключительный случай, где А.Б. Борунов примеряет на себя роль литературного критика, а не ученого. В целом же работа выдерживает стандарты конвенционального научного исследования, в том числе и на уровне дискурсивно-стилевого, и высказанные нами замечания не снижают общей положительной оценки работы.

Цель и задачи, поставленные А.Б. Боруновым во введении, реализованы, источниковая база репрезентативна и при этом хорошо структурирована, степень разработанности темы подробно охарактеризована, композиция работы логична. Положения, выносимые на защиту, не вызывают возражений.

Требуемое количество статей по теме исследования, где отражаются его промежуточные результаты, было опубликовано в рецензируемых изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК. Автореферат и публикации в полной мере отражает содержание диссертации.

Исходя из этого можно заключить, что диссертация «Сверхтексты в современной

---

⁴ Кстати, утверждение о Брусникине, будто он «не был известен аудитории, но привлек множество читателей» (с. 261) стоило бы уточнить: в рекламной раскрутке текстов нового автора принимал участие и их подлинный автор, чьи рекомендации романа «Девятый спас» размещались на биллбордах.

русской прозе: принципы структурно-семантической организации» является оригинальным, законченным исследованием и удовлетворяет всем требованиям, изложенным в п. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемых к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, является самостоятельной работой высокого уровня. В диссертации на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать в качестве нового научного достижения в области изучения как сверхтекстовых единств в нарративной фикциональной прозе, так и представляющей собой один из наиболее репрезентативных сверхтекстов такого рода – конstellляции прозаических и прозаико-драматургических произведений об ЭрASTE Фандорине: в представляемой к защите диссертации содержится решение задачи, имеющей заметное значение для соответствующей отрасли знаний. Таким образом Артем Борисович Борунов, автор диссертационного исследования, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Отзыв составлен Михаилом Георгиевичем Павловцом, доктором филологических наук, профессором школы филологических наук факультета гуманитарных наук ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ».

Отзыв одобрен на заседании школы филологических наук ФГН ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ». Протокол № 2.4.17-01/030325-1 от 03.03.2025 г.

Доктор филологических наук,
профессор школы филологических наук
ФГН ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»

М.Г. Павловец

Руководитель школы филологических наук
ФГН ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»
доктор филологических наук, проф.

Е.В. Казарцев

*Татьяна Павловцова М.Т.
Казарцева Е.В.
заверяю*

СПЕЦИАЛИСТ ПО ПЕРСОНАЛУ
УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА
АЗОВЦЕВ Т. Д.

04.03.2025

Сведения об организации

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы «Национальный исследовательский
университет “Высшая школа экономики” (ФГАОУ ВО “НИУ ВШЭ”»

Почтовый адрес организации: Покровский бульвар, д.11, Москва, Россия, 109028

Телефон организации: +7 (495) 771-32-32

E-mail организации: hse@hse.ru